

Функциональный комплиментаризм насилия и социального контроля в исследованиях эволюции морали

Григорий А. Часовских

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0001-5405-2875>

Рекомендация для цитирования:
Часовских Г. А. (2025)
Функциональный комплиментаризм насилия и социального контроля в исследованиях эволюции морали. *Социология власти*, 37 (3): 80-96
EDN: LHFPIP

For citation:
Chasovskikh G. A. (2025) Functional Complementarity of Violence and Social Control in Studies of Moral Evolution. *Sociology of Power*, 37 (3): 80-96

Поступила в редакцию: 22.04.2025;
прошла рецензирование: 13.07.2025;
принята в печать: 21.07.2025
Received: 22.04.2025; Revised: 13.07.2025; Accepted: 21.07.2025

© Author, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Статья посвящена критическому анализу концепции функционального комплиментаризма насилия и социального контроля в исследованиях эволюции морали. В тексте ставится под сомнение тезис о неразрывности связи между насилием и моральным контролем, доминирующий в работах таких ученых, как К. Боэм, Р. Рэнгем и С. Боулз и Г. Гинтис. В рамках данной парадигмы насилие трактуется как эволюционно обусловленный инструмент поддержания внутригрупповой кооперации (сильная взаимность) и межгрупповой конкуренции (парохиальный альтруизм). Методология исследования включает внутридисциплинарную критику, опирающуюся на данные культурной антропологии, эволюционной теории игр и приматологии. Цель работы — не отрицание функциональной взаимосвязи как таковой, но демонстрация ее переоцененной однозначности и кажущейся эволюционной неизбежности. Критический разбор выявляет методологические ограничения и возможную предвзятость в интерпретации эмпирических данных, поддерживающих гипотезу комплиментарности. В тексте приводятся аргументы в пользу того, что роль и формы насилия как инструмента морального контроля в значительной степени обусловлены социально и культурно, что ослабляет тезис о его имманентности человеческому обществу. В качестве контраргументов привлекаются данные о культурной вариатив-

ности практик насилия, способности к межгрупповой кооперации, пластичности социального контроля, а также концепции «моральных пузырей» (Л. Магнани) и «морального эффекта Даннинга-Крюгера», иллюстрирующие дисфункциональность и иррациональность проактивного насилия. Центральный вывод статьи заключается в том, что связь насилия и социального контроля, несмотря на эволюционные корни, не является жестко детерминированной, а опосредована культурными механизмами и контекстуальными факторами. Это открывает возможности для социального преодоления логики насилия через институты и рефлексивные практики.

Ключевые слова: насилие, социальный контроль, эволюционная антропология, эволюция морали, парохийный альтруизм, сильная взаимность, проактивное насилие, межгрупповая агрессия

Functional Complementarity of Violence and Social Control in Studies of Moral Evolution

Grigoriy A. Chasovskikh

The Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-5405-2875>

81

Abstract: The paper presents a critical analysis of the concept of functional complementarity between violence and social control in studies on the evolution of morality. The author challenges the thesis of an inherent and inextricable link between violence and moral control, dominant in the works of scholars such as Boehm, Wrangham, Bowles and Gintis. In their works, violence is interpreted as an evolutionarily determined tool for maintaining intragroup cooperation (strong reciprocity) and intergroup competition (parochial altruism). The research methodology involves an interdisciplinary critique based on data from cultural anthropology, evolutionary game theory, and primatology. The aim is not to deny the functional relationship per se, but to demonstrate its overstated clarity and apparent evolutionary inevitability. A critical examination reveals methodological limitations and potential biases in the interpretation of empirical data supporting the complementarity hypothesis. The author argues that the role and forms of violence as tools of moral control are significantly socially and culturally conditioned, thereby weakening the thesis of their absolute immanence. Counterarguments draw on data concerning the cultural variability of violence practices, the capacity for intergroup cooperation, the plasticity of social control, as well as the concepts of “moral bubbles” (Magnani) and the “moral Dunning-Kruger effect,” which illustrate the dysfunctionality and irrationality of proactive violence. The central conclusion of the paper is that the connection between violence and social control, despite its evolutionary roots, is not rigidly deterministic but is mediated by cultural mechanisms and contextual factors. This opens up possibilities for socially overcoming the logic of violence through institutions and reflective practices. A prospective path

for future research lies in analyzing the conditions under which violence loses its functionality and in seeking cultural alternatives that promote the development of inclusive forms of cooperation.

Keywords: violence, social control, evolutionary anthropology, evolution of morality, parochial altruism, strong reciprocity, proactive violence, outgroup aggression

Введение

82

Исследования механизмов морального контроля занимают центральное место в современной культурной эволюционной антропологии — причем насилие, выступая как наиболее радикальная форма такого контроля, но также и самостоятельный феномен, представляет собой не менее значимый объект анализа. Среди ключевых исследователей этой темы, описывающих функциональную взаимосвязь между коэволюцией моральных норм и практиками коллективного насилия в человеческих обществах, можно выделить К. Боэма, Р. Рэнгема и С. Боулза с его коллегами. При этом историческая перспектива и охват таких исследований крайне широки — от групп высших приматов они переходят к охотникам-собираателям и затем к современности. Одним из главных факторов эволюции человека Рэнгем предлагает считать переход от аффективного и реактивного насилия к рациональному и проактивному — с попыткой институционализации последнего (Wrangham 2019). Боэм исследует феномен эгалитарного этоса в контексте сложной совокупности инструментов социального контроля, направленных на противодействие устойчивому доминированию отдельных индивидов через коллективные санкции (Boehm 2009, 2012). Антрополог показывает, что моральные санкции против эгоизма, агрессии и попыток узурпации власти внутри группы сами часто требуют санкционированного и скоординированного группой насилия. Боулз с коллегами, собирая данные из разных сфер знания и используя эволюционную теорию игр, описывает эмерджентность морали как результат практик жесткого социального контроля и склонности к межгрупповой агрессии (Bowles 2011). Готовность к альтруизму «внутри» собственной группы, равно как и к жестоким наказаниям «своих» вкупе с готовностью к жестоким формам межгруппового насилия могла создать селективное давление, которое благоприятствовало как развитию просоциальных норм и кооперативности, так и конкурентоспособности «вовне».

Объединяет этих ученых идея функционального комплиментаризма, согласно которой насилие не просто «обусловлено» эволюционно, но является имманентной составляющей человеческих

форм социального контроля. В этой перспективе такие феномены, как склонность к жестоким наказаниям нарушителей норм внутри группы или предвзятость, дегуманизация и готовность к насилию по отношению к представителям других групп, интерпретируются как антропологические константы, укорененные в человеческой природе. Цель данной статьи — поставить под сомнение кажущуюся простоту каузальной связи между насилием и моральным контролем. В отличие от работ, основанных на преимущественно внешней философской критике дескриптивных исследований эволюции морали, статья предлагает внутридисциплинарную критику, опирающуюся на данные культурной антропологии, эволюционной теории игр и приматологии. Цель работы — не отвергнуть идею функциональной взаимосвязи как таковой, а продемонстрировать переоцененную наглядность и однозначность этой связи в перспективе эмпирических данных. Мой ключевой тезис заключается в том, что выбор насилия в качестве инструмента морального контроля остается в значительной степени социально обусловленным, а его роль и формы подвержены культурной вариативности. Это ослабляет тезис о его абсолютной имманентности и эволюционной неизбежности, что особенно ценно в условиях тяжелых межгрупповых конфликтов, включая войны и геноциды.

Функциональная связка насилия и морального контроля в эволюции человека

Первым исследователем, связавшим темы насилия и эволюции морального контроля, можно считать Р. Триверса. В 1971 году в статье «Эволюция взаимного альтруизма» ученый предложил понятие «взаимного альтруизма» для объяснения такого поведения у животных и людей, при котором один индивид совершает действие, направленное на благо другого, с ожиданием последующей взаимной выгоды (Trivers 1971). Согласно этой теории, затраты и риски, сопряженные с альтруистическим поведением, окупаются через получение аналогичной взаимной помощи в будущем. Таким образом, речь идет о базовом моральном поведении, которое Триверс предложил обозначить понятием «моралистической агрессии». В свою очередь, такая агрессия требует наличия когнитивных возможностей, необходимых для распознавания и оценки морального поведения индивидов.

Функция моралистической агрессии — поддерживать выгодный группе высокий уровень кооперативности и отношений доверия. Моралистическая агрессия может включать и положительные санкции, поощряющие просоциальное поведение, но основная ее зада-

ча — профилактика и наказание эгоистичного или других форм некооперативного поведения. Необходимость подобного инструмента очевидна: высокий уровень доверительных отношений и обилие альтруистов делает выгодным паразитизм скрытых эгоистов как стратегию успеха в такой группе. Именно посредством моралистической агрессии взаимные альтруисты защищают себя от потенциальных «мошенников» повышенным вниманием к эгоистичному поведению, предупреждая и наказывая любые отклонения в эту сторону. Экстремальные же формы моралистической агрессии находят выражение в насилии, остракизме или убийстве (Trivers 1971, p. 50).

Моралистическая агрессия, мотивированная чувством несправедливости или отсутствием взаимности, играет в социальной динамике значительную роль, даже если оказывается непропорционально жестокой в отношении к деяниям «некооперативного» индивида. Собственно, целью является высокая кооперативность сама по себе, но никак не устранение насилия как такового. Наоборот: насилие в этом контексте является полноценным инструментом социального контроля. И хотя Триверс не пишет об этом прямо, насилие в форме моралистической агрессии перестает быть только лишь результатом импульсивной агрессии — оно обретает четкую функцию.

Суть взаимного альтруизма, таким образом, оказывается не очень «альтруистичной» в смысле бескорыстной заботы о других, но очень «взаимной», походящей скорее на воздаятельную справедливость. Удачной аналогией для механизма действия взаимного альтруизма представляется образ «хорошего талиона», при котором индивид изначально настроен на сотрудничество, а затем отвечает своему партнеру на его поведение, награждая за просоциальность своей просоциальностью и карая за эгоизм. В такой форме взаимный альтруизм концептуально ближе справедливости, нежели классическому «чистому» альтруизму: и действительно, позднее Триверс признавал, что ошибся, не введя в свою статью 1971 года понятие справедливости (Trivers 2006). Ученый не уделил достаточного внимания функциональной составляющей насилия в моральном контроле, но обозначил потенциал насилия как инструмента, проводящего кооперативные интересы группы.

В числе неучтенных Триверсом факторов были репутация и протяженность отношений поощрения/наказания во времени. Талион в описании Триверса выглядит «моментальным» (за действием мгновенно следует реакция) и диадическим (условным ответчиком потенциального эгоиста-мошенника является взаимодействующий с ним индивид). Даже если индивидов-ответчиков несколько, их агентность эссенциализируется: они воспринимаются как еди-

ный субъект-ответчик. Конечно, взаимодействие подразумевает «отыгрыш» в дальнейшем, то есть имеет форму многоповторного последовательного взаимодействия. Однако же подобное «поведенческое» описание имеет серьезный недостаток: в рамках теоретического подхода Триверса затруднительно описать институционализацию насилия.

Дальнейшее развитие понятия было связано с исправлением этих недостатков, а также с учетом внушительного объема накопившихся данных в сферах эволюционной и культурной антропологии, приматологии, а также эволюционной теории игр. Так, Г. Гинтис предложил термин «сильная взаимность», наилучшим образом раскрытом в их совместной с Боулзом книге «Кооперативный вид: Человеческая реципрокность и ее эволюция» (Bowles, Gintis 2011). Критикуя ограниченность последовательной модели социального контроля Триверса, ученые отмечают, что люди, наказывая антисоциальное поведение, нередко действуют в ущерб себе, в том числе своему репродуктивному успеху. Их цель — именно поддерживать справедливость и социальные нормы, а на получение личной выгоды в дальнейшем они не надеются. Поддержание «атмосферы справедливости» создает потенциал институционализации и выходит за рамки диадических последовательных отношений, создавая паноптикум социального контроля, передающийся от поколения к поколению и выходящий за рамки одного поколения. Это также критически необходимо для выживания сообществ в экстренных случаях, когда взаимный альтруизм может стоять исключительно дорого и привлекательность эгоистичного поведения значительно увеличивается.

При этом в подобных случаях увеличивается не только *цена* альтруизма, но и его *ценность*, определяющая достаточно устойчивую атмосферу взаимовыручки, от которой может зависеть выживание всей группы. Подобными экстренными случаями в сообществах древних людей (то есть охотников и собирателей), да и во многих современных сообществах обыкновенно являются экологические катастрофы и военные конфликты. Кроме того, логично предположить, что экстремальные ситуации, в которых группа испытывает опасность, теснее связаны с экстремальными санкциями за отклоняющееся поведение.

Именно поэтому для нас интересен частный и наиболее радикальный сценарий, когда наказания принимают наиболее суровые формы, в том числе ostracism, ограничений при распределении еды, физического насилия и, наконец, абсолютной санкции — смерти (Boehm 2009). Несмотря на то что эти санкции первоначально определялись Бозмом как выражение контрдоминантного поведения, поддерживающего эгалитарный порядок в группе,

представление, что те же санкции поддерживают моральный конформизм, разделяется и другими профильными исследователями (Bowles 2011; Wrangham 2019).

Рэнгем объединяет формы насилия, работающие на социальный контроль в группе, общим понятием «проактивного насилия». Антрополог определяет его как насилие холодное и спланированное, противопоставляя «реактивному» как импульсивной и эмоциональной реакции на угрозу. Селективное давление против реактивной агрессии возникло благодаря систематическому применению проактивной агрессии в форме казней доминантных или агрессивных особей коалициями из других индивидов (согласно ученому, преимущественно мужчин¹). Рэнгем полагает, что такие казни устраняли индивидов с высокой импульсивной агрессивностью, способствуя генетической селекции в пользу толерантности друг к другу и кооперации. Ритуализированные дуэли и санкционированное насилие демонстрируют, как проактивная агрессия институционализируется для минимизации спонтанного насилия, одновременно обеспечивая стабильность социальной структуры. Интересно также и то, что в традиционных сообществах охотников-собирателей функцию палачей иногда перекладывают на родственников агрессора. Если в современных обществах конечным уровнем институционализации проактивного насилия становится государство, то в эгалитарных сообществах охотников-собирателей происходит то, что Е. Геллнер метко назвал «тиранией кузенов» (Gellner 1994, p. 7). В такой ситуации присутствует прежде всего коллективная вовлеченность, преодолевающая индивидуальную субъективность при оценке контекста проступка, однако в случае «тирании кузенов» можно предположить также и давление на родственный отбор, которое подчиняет его культурной норме.

Однако сильная взаимность связана не только с насилием внутри группы. Основываясь на моделировании с помощью теории игр и некоторых антропологических данных, Дж. К. Чои и С. Боулз выдвинули гипотезу, что сильная взаимность коэволюционировала со склонностью к межгрупповой агрессии и назвали этот феномен парохияльным альтруизмом (Choi, Bowles 2007). Но, возможно, не менее важно и то, что подобная смешанная стратегия оказыва-

1 Рэнгема имеет смысл обоснованно критиковать за предположение, что источником селективного культурного отбора в проактивном насилии являются именно мужчины. Антропологических данных достаточно, чтобы утверждать, что если военные конфликты действительно являются делом преимущественно мужчин, то внутри группы женщины вполне участвуют в социальном контроле, связанном с экстремальными санкциями, в том числе и казнях (Boehm 2009, p. 8; Lee 2003, p. 130; Shackelford et al. 2014).

ется исключительно конкурентной. Ненависть к чужакам и одновременно готовность к альтруистическому отношению к «своим» создает ситуацию, в которой такая модель поведения группы вытесняет любые альтернативные. Безобидные добряки ли ваши соседи или эгоистичные злодеи — их поведение абсолютно неважно, парохияльные альтруисты победят и завоюют всех независимо от выбранной ими стратегии.

Сильная взаимность наиболее эффективна и эволюционно устойчива, когда действует внутри четко определенной группы «своих», а парохияльный альтруизм, в свою очередь, эти границы создает. Подавляя реактивную агрессию и насаждая моральный конформизм, жесткие санкции формируют высокую внутригрупповую сплоченность (с предвзятостью к «Другому») и высокую лояльность к нормам, а это ключевые условия для парохияльного альтруизма. Синергия проактивного насилия и сильной взаимности трансформирует группу в единый «субъект действия», меняя или уничтожая внутренних девиантов через институционализированное насилие или предупреждая их появление угрозой такого насилия. Благодаря этому общество мобилизуется для межгрупповой конкуренции, в рамках которой парохияльные альтруисты готовы не только уничтожать чужаков, но и умирать за «своих». Связанные с этим культурные практики с привязкой к психоэмоциональным процессам формируют устойчивые дихотомии «мы-они», что влечет за собой колоссальный дегуманизирующий потенциал по отношению к «чужакам». Именно сопутствующая парохияльному альтруизму дегуманизация является, к сожалению, одним из наиболее убедительных объяснений групповых геноцидов в рамках племенных войн и других подобных трагедий в современном мире.

Конечно, для философов страх перед «Другим» и дегуманизирующая враждебность к нему не являются новостью, однако, согласно логике статьи, следует выделить «нефилософские» работы, поддерживающие гипотезу об изначальной парохияльности человека и его ближайших родственников. Некоторые исследования выдвигают предположение об общих у человека и шимпанзе корнях парохияльности в ее насильственной форме. Ученые отмечают, что у шимпанзе повсеместно встречаются эпизоды охоты и последующего истребления самцов другой группы (Lemoine 2022). С учетом того, что в одной группе родственниками друг другу приходится именно самцы, уничтожение соседней группы оказывается выгодной инвестицией с позиций родственного отбора. Данные по охотникам-собираателям на первый взгляд оказываются схожи: в нападениях на соседей уничтожению подлежат скорее мужчины, а женщины иногда оказываются женами победителей. Кроме того, у людей исключительно сильно выражено неравенство выживаемости напа-

дающих к обороняющимся (лишь 2% смертей принадлежат атакующей группе), что делает нападение исключительно опасным для защищающихся и вполне безопасным для нападающих (LeBlanc 2013, р. 88). Интерес представляет также исследование склонности к дегуманизации «чужаков» детьми, проведенное В. Чжоу и Б. Хейром (Zhou, Hage 2022), согласно которому дегуманизация чужаков детьми не только оказалась выраженной ярче, чем у взрослых, но и обеспечила повышенную готовность к наказанию этих чужаков, что подчеркивает глубокие корни реакции и связанного с ней поведения, а также несколько снижает значимость культурных норм в реализации склонности к парохияльному насилию.

Множество исследований, подкрепляющих эволюционную устойчивость парохияльного альтруизма, подталкивает к выводу, что человечество обречено на групповые конфликты. От истинности этого предположения и глубины нашей парохияльности зависит значимая часть нашего будущего, потому что конфликт групповых идентичностей так или иначе заложен в само основание значительной части самых кровавых и жестоких конфликтов в истории. Высокий уровень жестоких и регулярных эпизодов насилия к чужакам может быть связан с нормализацией насилия внутри группы в качестве «принуждения к нормам» или просто с экстремальными формами морального контроля.

Таким образом, целый ряд исследований свидетельствует в пользу истинности гипотезы об эволюционном функциональном комплиментаризме насилия и социального контроля. Взаимный альтруизм и насилие могут сосуществовать как комплиментарные механизмы в эволюции морали, где сильная взаимность (или взаимный альтруизм) способствует укреплению внутригрупповых связей, а насилие служит инструментом адаптации против внешних угроз и экстремальным инструментом сохранения норм. Предполагается даже серьезная «предустановленность» парохияльного альтруизма и, как следствие, склонность к внешнегрупповому насилию. Получается, что даже при предположении, что насилие не является значимой формой социального контроля внутри группы, эволюционное давление, склоняющее к нормализации межгруппового насилия, нормализует его и для группы.

Критика функциональной комплиментарности насилия и морального контроля

Такую стройную картину склонности к внешнегрупповой агрессии можно подвергнуть критике с внутренних позиций культурно-антропологических исследований, а также построений эволюционной теории игр. Начнем с того, что когда сложное поведение моделиру-

ется при помощи теории игр, то приложение ее к людям сразу оказывается сопряжено с проблемами. Сложность социального взаимодействия такова, что представить его со всеми его переменными невозможно, а вероятность упустить среди них значимые никогда не равна нулю. Кроме того, приоритизация переменных может быть транслятором тех или иных предвзятых позиций самих исследователей.

Картина с «привлекательностью выгодных и безопасных атак на чужаков» тоже не так однозначна. Указанная выше вероятность смерти в 2% как результата нападения на соседнюю группу может казаться незначительной по отношению к возможным выгодам от победы. Но часто в жизни человека таких нападений бывают десятки, так что они могут стать одной из главных причин смерти мужчин фертильного возраста в традиционных обществах, не считая возможности пасть жертвой мщения.

Гомология парохизализма у шимпанзе и человека тоже не так очевидна. Да, у шимпанзе факт полного и целенаправленного уничтожения всех самцов в другой группе никем не оспаривается, но для предположения гомологичности этого поведения у человека и животных все же не хватает некоторых условий. Прежде всего, в отличие от человека, у шимпанзе не наблюдается альтернативного поведения: они не строят межгрупповых коалиций, а также не мирятся. Но, пожалуй, главным отличием будет отсутствие языка, который значительно ускоряет социальную динамику и позволяет лучше кооперироваться, избегая рискованной для индивидов конфронтации. В пользу важности языка как радикального катализатора социальной динамики говорят исследования эгалитарного этоса охотников-собирателей у Бозма. Независимо от континента и экологических условий, где проводились наблюдения, в них не встречается случаев передачи власти по наследству, а одна из главных целей морального контроля связана с противодействием устойчивому доминантному поведению. Такое социальное равновесие не встречается ни у кого из приматов и частично или полностью теряется при переходе к другим формациям. У человека нейробиологический след этой социальной склонности, по-видимому, остается.

Так, С. Т. Доуз с коллегами описали реакции мозга на предпочтение просоциального эгалитарного распределения и отвращение к его отсутствию (Dawes 2012). В эксперименте субъекты решают, платить ли некоторую сумму, чтобы изменить случайно распределенные доходы членов группы в пользу эгалитарности, в то время как аппарат МРТ визуализирует активность определенных частей мозга. Исследование выявило корреляцию активации в островковой коре с возникновением дисбаланса в равном распределении, когда в конце раунда участникам показывались полученные до-

ходы. Передняя островковая кора демонстрировала повышенную активацию в момент просоциальных выборов участников эксперимента, то есть выборов в пользу эгалитарного распределения. Подобным экспериментом авторы подкрепляют гипотезу селективного давления культурных норм на формирование альтруистического и эгалитарного поведения. Это подводит нас к мысли, что язык, культурная эволюция и социальная пластичность настолько ускоряют социальную динамику, что делают любые вопросы о гомологии форм социального контроля и насилия у человека и примата бессмысленными.

Другой конкретный пример предвзятости моделирования, постулирующего превосходство парохияльного альтруизма как эволюционно-стабильной стратегии группы над другими, — недооценка выгод межгрупповой кооперации в той же самой оптике. Так, межгрупповое сотрудничество способствует ускорению колонизации открытых пространств. Если же пространства не хватает, то в случаях межгрупповых конфликтов оно скрадывается необходимостью дополнительной дистанции для безопасных границ. Это приводит к тому, что враждебные племена большую часть времени проводят в центре своих владений, что мешает эффективному использованию доступной территории (Kelly 2005). В такой перспективе межгрупповое сотрудничество также предлагает очевидную выгоду. Подобные антропологические данные наносят серьезный удар по утверждению функциональной комплиментарности насилия как фактора эволюции человека.

В современности парохияльность как предположение склонности к насилию сталкивается и с другими трудностями. Сейчас классической формой проявления межгруппового насилия являются военные конфликты. Если гипотеза о связи парохияльного альтруизма и сильной взаимности верна, то разумно предположить, что опыт пережитого насилия лишь усиливает исходную склонность к дегуманизации «Другого». Однако, например, лонгитюдное исследование парохияльности и фаворитизма в контексте этнического конфликта в Боснии, проведенное В. Мироновой, демонстрирует другую картину (Mironova 2016). В исследовании различных этнических групп в Боснии и Герцеговине опрос совместили с экспериментальным подходом с условными выплатами для представителей своих и других этнических групп. Затем эксперимент повторили через десять лет. Спустя десять лет результаты продемонстрировали, что условные денежные «выплаты» представителям другой этнической группы выросли. При этом, что характерно, выросла и просоциальность в форме выплат к представителям своей этнической группы. Получается, что вопреки прогнозу о связи парохияльного альтруизма и сильной взаимности просоциальность выросла как внутри,

так и вовне группы (хотя разрыв все же увеличился: выплаты своим выросли сильнее). Кроме того, проживание в смешанных общинах повышает просоциальные выплаты в адрес носителей другой этнической идентичности, с которыми был конфликт в прошлом. Это оставляет проживание в смешанных общинах одной из возможных и наиболее простых институциональных рекомендаций, а также подчеркивает приоритет социальной обусловленности над эволюционной. К ограничениям подобных экспериментов, конечно, относится проблема того, насколько экономические эксперименты на разрыв в выплатах своим и чужим отражает реальное положение вещей в вопросе склонности к насилию над представителями других этнических групп. В любом случае при истинности гипотезы склонности к насилию по групповому признаку сама «тяжесть» боснийских войн с их ярко выраженной групповой принадлежностью должна играть роль мощнейшего катализатора, организовать противодействие которому особенно сложно. В реальности же для нормализации и снижения враждебности оказывается достаточно времени и совместного проживания.

Вернемся к насилию внутри группы. Как мы помним, Рэнгем противопоставляет реактивному насилию проактивное, связанное с расчетом. Однако значимая часть насилия сопряжена с внутренней уверенностью его автора в его моральной обоснованности — и, соответственно, с убежденностью в справедливости экстремального наказания, агентом которого представляет себя человек. Очевидно, что «в моменте» аффект — не в юридическом смысле, а как психоэмоциональное состояние — влиял на подобные реакции (так же, как голод или опыт травмирующего насилия в прошлом), но это не отменяет значимости морального суждения. И если функциональный тандем насилия и морального контроля прошел свой эволюционный путь для улучшения координации, предохранения общества от «безбилетников» и сплоченности группы, то с этой задачей он справляется плохо. Подобную переоценку собственной компетенции в вынесении моральных суждений с насилием в качестве санкции можно назвать своего рода «моральным эффектом Даннинга-Крюгера¹». Получается, что коллективная атмосфера «сильной взаимности» как предохранителя от ненормативного насилия внутри группы, которую должен поддерживать своим активным участием каждый индивид, на этом же индивидуальном уровне

1 Эффект Даннинга-Крюгера — когнитивное искажение, при котором люди с низким уровнем знаний или навыков в определенной области переоценивают свои способности, в то время как квалифицированные специалисты, наоборот, склонны недооценивать свои знания и навыки (Dunning, Kruger 1999).

может приводить к обратному результату. В таком сценарии «проактивность» насилия является дефектной, а связка социального контроля и насилия — дисфункциональной, а не наоборот.

Коллективный эффект этого «морального Даннинга-Крюгера» описывает философ Л. Магнани, вводя понятие «моральных пузырей» (Magnani 2022). Возможно, ему следовало оставить оба понятия как самостоятельные. Коллективность «морального Даннинга-Крюгера» работает по-другому для малых групп, потому что в них сила личностных связей с высоким требованием лояльности может смягчать попытки объективизировать моральные оценки. Тем не менее кажется убедительным, что эффекту «моральных пузырей» подвержены общества самых разных размеров — в этом и заключается ценность отдельных аргументов Магнани. Философ пишет, что «моральный пузырь» не только легитимизирует насилие как инструмент социального контроля, но и нормализует его, скрывая ненормальность действия для актора. Как в случае «морального Даннинга-Крюгера», так и в случае «пузыря», «рациональность» проактивного насилия, предполагаемая Рэнгемом, невозможна, потому что она связана с моральной слепотой и недостатком рефлексии.

92

Насколько это явление ново в контексте общей истории человечества? Общества охотников-собирателей организованы так, что в социальный контроль — а значит, и в вынесение моральных оценок — вовлечены практически все, а сплетни постоянно координируют индивидуальные позиции, смягчая точки экстремума в их расхождениях. Реактивное насилие, конечно, случается, но экстремальные санкции (например, убийство) являются скорее результатом рефлексии группы. С переходом к другим формам организации общества проактивность контроля централизовалась, а само количество людейросло. Институционализация «проактивности» в государстве достигла невероятных высот, но вытеснила коллективную рефлексию с высокой степенью индивидуальной вовлеченности, позволив множеству людей спокойно жить без необходимости активно вовлекаться в вынесение коллективных моральных оценок. Интересным, хотя и не самым репрезентативным аргументом в пользу этой идеи является исследование 2020 года, которое показало, что люди, бывшие авторами насилия в прошлом, более склонны применять его как инструмент морального контроля (Litman et al. 2020). Этот аргумент встраивается в наши рассуждения о том, что использование морального оправдания насилия является не столько комплиментарным механизмом социального контроля, сколько маскирующей его «вуалью» — как для общества в целом, так и для отдельных индивидов.

То, что внешнегрупповая агрессия чаще объясняется представлениями о выгоде или опасности, нежели парохильностью, под-

тверждается и тем фактом, что традиционные общества и племена способны мириться и заключать мирные брачные договоры так же внезапно, как начинали вооруженные походы друг против друга. В статье 2015 года масштаб вреда, который в экспериментах символически наносили чужакам «однотруппники», определялся *представлениями* о поведении чужаков, а не самим фактом их существования (Согг 2015). Более того: доброжелательность, как и просоциальность внутри своей группы оказалась прямо пропорциональна оной для чужаков: чем сплоченнее группа и доброжелательнее друг к другу ее представители, тем доброжелательней они и к чужакам.

Таким образом, представленный анализ демонстрирует сложные отношения эволюционной взаимосвязи насилия и морального контроля. В работах Боэма, Рэнгема, Боулза и других исследователей приводятся убедительные аргументы в пользу функциональной комплиментарности феноменов насилия и морального контроля. Насилие выступает как инструмент подавления внутригруппового доминирования и сокращения импульсного реактивного насилия, обеспеченный базовой институционализацией и поддерживающий групповую сплоченность через вовлечение в «вершение справедливости». Все это создает условия для описанной Боулзом и коллегами сильной взаимности. Она же вместе с тем служит ключевым фактором межгрупповой конкуренции, реализуемой в форме парохимального альтруизма. Это создает подобие замкнутого — а возможно, и порочного — круга: функциональность воспроизводит склонности к предвзятости и даже дегуманизации.

93

Однако критический разбор этой парадигмы с позиций тех же исследовательских направлений обнаруживает ее методологические ограничения. Эмпирические данные относительно культурной вариативности практик насилия, способности групп к созданию мирных коалиций, а также пластичность социального контроля подрывают тезис об абсолютной имманентности и эволюционной неизбежности насилия как ядра морали. Более того, дисфункциональность «моральных пузырей» и «морального эффекта Даннинга-Крюгера» меняют порядок отношений феноменов: иногда именно моральное оправдание становится инструментом насилия.

Заключение

Центральный вывод статьи заключается в том, что связь насилия и социального контроля, несмотря на глубокие эволюционные корни, является не жестко детерминированной, а опосредованной культурными механизмами, когнитивными искажениями и контекстуальными факторами.

Признание культурной опосредованности этой связи имеет фундаментальное значение для понимания динамики человеческих конфликтов и потенциала их смягчения. Если эволюционная рамка объясняет происхождение склонности к насилию как инструмента контроля, то ее критика высвечивает возможность социального преодоления этой логики через институты и рефлексивные культурные практики. Это ставит под сомнение фаталистические прогнозы насчет «обреченности» человечества на групповое насилие и открывает пространство (или оставляет надежду) для этически ориентированного проектирования социальных систем — особенно в постконфликтных полиэтнических обществах.

Будущие исследования должны фокусироваться не столько на констатации комплиментарности, сколько на анализе условий, при которых насилие теряет функциональность (как в случае «морального эффекта Даннинга-Крюгера» или мирных коалиций между группами), а также на выявлении культурных альтернатив, трансформирующих эволюционное наследие в направлении кооперации, не опосредованной дегуманизацией «Другого». Такой подход позволяет рассматривать моральный контроль не как вечный спутник насилия, а как поле для эволюции новых, более инклюзивных форм социальной регуляции.

94

Финансирование / Funding

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00383 «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе».

The research was supported by RSF (project No. 22-18-00383 Interdisciplinary Methodological Foundations of the Extended Evolutionary Synthesis for the Life and Social Sciences).

Библиография / References

Boehm C. & Boehm C. (2009) *Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior*. Harvard University Press.

Boehm C. (2012) *Moral origins: The evolution of virtue, altruism, and shame*. Soft Skull Press.

Bowles S. & Gintis H. (2011) A cooperative species. In *A cooperative species: Human reciprocity and its evolution* (pp. 1-7). Princeton University Press. <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7s72v.4>

Calmettes G. & Weiss J. N. (2017) The emergence of egalitarianism in a model of early human societies. *Heliyon*, 3(11). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2017.e00451>

- Chiao J. Y., Mathur V. A., Harada T. & Lipke T. (2009) Neural basis of preference for human social hierarchy versus egalitarianism. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1167(1), pp. 174–181. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2009.04508.x>
- Choi J. K. & Bowles S. (2007) The coevolution of parochial altruism and war. *Science*, 318(5850), pp. 636–640. <https://doi.org/10.1126/science.1144237>
- Corr P. J., Hargreaves Heap S. P., Seger C. R. & Tsutsui K. (2015) An experiment on individual “parochial altruism” revealing no connection between individual “altruism” and individual “parochialism”. *Frontiers in psychology*, 6, p. 1261. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01261>
- Dawes C. T., Loewen P. J., Schreiber D., Simmons A. N., Flagan T., McElreath, R. ... & Paulus M. P. (2012) Neural basis of egalitarian behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 109(17), pp. 6479–6483. <https://doi.org/10.1073/pnas.1118653109>
- Dunbar R. I. (2004) Gossip in evolutionary perspective. *Review of general psychology*, 8(2), pp. 100–110. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.8.2.100>
- Gellner E. (1994) Conditions of liberty: Civil society and its rivals. (No Title).
- Kelly R. C. (2005) The evolution of lethal intergroup violence. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 102(43), pp. 15294–15298. <https://doi.org/10.1073/pnas.0505955102>
- Kruger J. & Dunning D. (1999) Unskilled and unaware of it: how difficulties in recognizing one’s own incompetence lead to inflated self-assessments. *Journal of personality and social psychology*, 77(6), p. 1121. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1121>
- Littman R., Estrada S., Stagnaro M. N., Dunham Y., Rand D. & Baskin-Sommers A. (2020) Community violence and prosociality: Experiencing and committing violence predicts norm-enforcing punishment but not cooperation. *Social Psychological and Personality Science*, 11(2), pp. 276–283. <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/135516.2>
- Lee R. B. (2003) *The Dobe Ju/'Hoansi*. South Melbourne, Vic.: Wadsworth Thomson Learning.
- Lemoine S. R., Samuni L., Crockford C. & Wittig R. M. (2022) Parochial cooperation in wild chimpanzees: a model to explain the evolution of parochial altruism. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 377(1851), p. 20210149. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0149>
- Magnani L. (2022) Naturalizing morality to unveil the status of violence: coalition enforcement, cognitive moral niches, and moral bubbles in an evolutionary perspective. *Philosophies*, 7(2), 39. <https://doi.org/10.3390/philosophies7020039>
- Mironova V. & Whitt S. (2016) The evolution of prosociality and parochialism after violence. *Journal of Peace Research*, 53(5), pp. 648–664. <https://doi.org/10.1177/0022343316648204>
- Trivers R. (2006) Reciprocal altruism: 30 years later. *Cooperation in primates and humans: Mechanisms and evolution*, pp. 67–83. https://doi.org/10.1007/3-540-28277-7_4
- Trivers R. L. (1971) The evolution of reciprocal altruism. *The Quarterly review of biology*, 46(1), pp. 35–57. <https://doi.org/10.1086/406755>
- LeBlanc S. A. (2013) Warfare and human nature. In *The evolution of violence* (pp. 73–97). New York, NY: Springer New York. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-9314-3_5

Wrangham R. (2019) *The goodness paradox: The strange relationship between virtue and violence in human evolution*. Vintage.

Zhou W. & Hare B. (2022) The early expression of blatant dehumanization in children and its association with outgroup negativity. *Human nature*, 33(2), pp. 196–214. <https://doi.org/10.1007/s12110-022-09427-x>

Об авторе

Часовских Григорий Александрович — старший преподаватель кафедры медицинского права, этики и антропологии РНИМУ им. Пирогова. Научные интересы: исследования эволюции морали, биоэтика, социология и философия медицины, когнитивные искажения.

<https://orcid.org/0000-0001-5405-2875>. E-mail: 19sub@mail.ru

Grigory A. Chasovskikh — lecturer in the chair of Medical Law, Ethics, and Anthropology at the Pirogov Russian National Research Medical University. Research interests: evolution of morality, bioethics, sociology and philosophy of medicine, and cognitive biases.

<https://orcid.org/0000-0001-5405-2875>. E-mail: 119sub@mail.ru